

УДК 316.3:316.6:81:165.242.2

ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО "ВЗЛОМА" РЕАЛЬНОСТИ

Литовченко Артём Дмитриевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политической социологии Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина

В статье аргументируется целесообразность использования социологической концепции дискурса для решения задач микросоциологии, в частности в анализе сознания личности и её взаимодействия с обществом. Используется структурно-деятельностный подход к определению дискурса. Язык и дискурс рассматриваются как двойственные явления: с одной стороны, они обозначают границы мира личности, навязывают ей определённую картину социальной реальности; с другой стороны, личность может использовать язык и дискурс для преодоления символического господства. Делается вывод о возможности "взлома" реальности при помощи языка и дискурса.

Ключевые слова: дискурс, язык, микросоциология, структурно-деятельностный подход, сознание личности, "взлом" реальности, господство, гегемония

У статті аргументується доцільність застосування соціологічної концепції дискурсу для вирішення завдань мікросоціології і, зокрема, в аналізі свідомості особистості та її взаємодії з суспільством. Використовується структурно-діяльнісний підхід до визначення дискурсу. Мова і дискурс розглядаються як двоїсті явища: з одного боку, вони позначають межі світу особистості, нав'язують їй певну картину соціальної реальності; з іншого боку, особистість може використовувати мову і дискурс для подолання символічного панування. Робиться висновок про можливість "злому" реальності за допомогою мови та дискурсу.

Ключові слова: дискурс, мова, мікросоціологія, структурно-діяльнісний підхід, свідомість особистості, "зламування" реальності, панування, гегемонія.

This paper offers the use of sociological concept of discourse to solve the problems of micro-sociology. An attempt to use the term "discourse" in the analysis of personality consciousness and its interaction with society is made. We assume the applicability of a structural-activity approach to the definition of discourse. Language and discourse are regarded as the dual phenomenon: on the one side, they mark the boundaries of the world personality, which is imposed a picture of social reality; on the other side, a person can use the language and discourse in order to overcome the symbolic domination. It is concluded that personality has the opportunity of the "reality-breaking" with language and discourse.

Key words: discourse, language, microsociology, structural-activity approach, personal consciousness, "hacking" of reality, domination, hegemony.

Исследования дискурса в социологии стали вполне привычными. Привычными настолько, что им посвящают не только статьи, но диссертации и монографии – даже столь специфичным направлениям, как исследование социологического дискурса [5]).

Одновременно с увеличением количества публикаций и изданий, посвящённых социологическому изучению дискурса, множатся и варианты интерпретации этого понятия. Как правило, определения либо некритично заимствуются из несоциологических источников, либо конструируются в соответствии с конкретными потребностями автора, вследствие чего приобретают узко-индивидуальный оттенок. Иногда авторы и вовсе отказываются давать определение понятию "дискурс" [9], полагая его самоочевидным (что вряд ли является обоснованным даже на современном этапе развития социологии). Подобная ситуация сама по себе заслуживает рассмотрения; однако не менее интересны и следствия размытости понятия "дискурс" в социологии.

В частности, обращает на себя внимание, что в большинстве социологических работ дискурс выступает либо в качестве "общей оболочки" объектов анализа¹, либо рассматривается как нечто вполне

© Литовченко А.Д., 2011

¹ Авторы, не желая тратить время на определение того, что в целом они изучают, без лишних предубеждений обращаются к этому всеобъемлющему, как им кажется, термину; так появляются на свет и активно путешествуют по страницам «дискурс социологии», «философский дискурс», «политический дискурс», «дискурс молодёжи» и т.д.; в редких случаях авторы дают этим терминологическим сочетаниям чёткое определение.

динамичное, но при этом априори более масштабное, нежели все иные социальные явления и процессы². Крайне редко используется потенциал этого понятия в микросоциологическом анализе для исследования факторов поведения личности или формирования её установок, ценностей, взглядов на общественную жизнь и своё место в ней. В данной статье предпринята попытка такого микросоциологического использования; соответственно, её целью является анализ при помощи понятия "дискурс" сознания личности и её взаимодействия с обществом.

При социологическом использовании понятия "дискурс", на мой взгляд, необходимо пользоваться подходом, который условно можно назвать "структурно-деятельностным". В рамках этого подхода дискурс рассматривается как единство языка и множественного социального контекста его использования [7]. Подобный подход наиболее соответствует социологической специфике, стремлению учитывать всё многообразие факторов, воздействующих на социальные явления и процессы.

Следует особо отметить естественную междисциплинарность данной темы. То, что особо отмечается наибольшая "социологичность" используемого подхода, не означает, что необходимо поощрять борьбу за "социологическую" чистоту в исследовании дискурса. Таковая борьба вообще мало что даёт в случае с гуманитарными науками. Борьба же за чистоту социологии, науки изначально синтетической и претендующей на обобщающий статус, и вовсе не стоит. Когда идёт речь о соответствии социологической специфике, подразумевается отнюдь не социологическая "каноничность" структурно-деятельностного подхода, а как раз его способность объединять наработки различных наук, не провоцируя при этом эклектичность, понятийно-концептуальную путаницу. Структурно-деятельностный подход объединяет не только социолингвистические и философские традиции "дискурсоведения", но и классические версии социологического анализа языка (Д. Мида, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса и др.), что в данном случае имеет особую ценность.

Одним из фундаментальных оснований (имеющим в современной социологии аксиоматический статус) описываемого подхода является следующий тезис: язык как знаковая система оказывает двойственное воздействие на личность и обуславливает двойственность отношений "дискурс-личность". При этом сам по себе язык имеет надличностную природу и вследствие этого тяготеет к подчинению себе сознания личности. Процесс овладения языком неподконтролен индивиду, который усваивает уже готовые языковые формы [10]. Язык является первой социальной нормативной системой, с которой сталкивается сознание личности. Эта система не просто связывает личность с социальной реальностью, она во многом оформляет, "создаёт" реальность для сознания при помощи правил, которые преподносятся личности как объективная закономерность. Было бы нелепым сводить всё многообразие социальной реальности к конструируемым образцам, но и игнорировать конструируемый характер мыслимого образа социального мира нет оснований. В этом смысле язык задаёт специфику видения личностью социальной реальности и выступает в роли фактора, обуславливающего человеческое поведение. Язык навязывается личности как уже сформированная, предзаданная система знаков; посредством языка социум включает в себя индивида, принуждает его коммуницировать.

В то же время социологические, социолингвистические и социопсихологические исследования подтверждают существование личностного языкового сознания [4]. Это означает, что "власть" языка как системы над личностью, её сознанием не абсолютна, иначе о фиксации личностных различий в языковом сознании не было бы и речи. Тем не менее, степень подчинения личности языку весьма велика. Содержательные элементы сознания проявляются в форме знаковых элементов и конструкций. Эта языковая форма проявления, приобретая самостоятельное значение, обособляется и подменяет собой содержание сознания. Иными словами, внешнее отображение действительных процессов, отличное от реальной связи, занимает место последней и приобретает статус самостоятельного механизма в управлении реальными процессами [4, с.105]. Таким образом, язык - это пример общественного договора, согласия на который у общества не спросили; именно к такому выводу приходил опиравшийся на социологизм Дюркгейма Ф. де Соссюр [10]. А границы языка - это, согласно Л. Витгентштейну, границы мира индивида [1]. Вся активность личностного сознания при таком подходе заключается в восприятии социально структурированной и "грамматизированной" речи [2].

Именно эти свойства языка обычно рассматриваются в качестве основных, когда речь идёт о "переходе" от языка к дискурсу. Соответственно, эти же "надличностные" свойства переносятся и на дискурс, с той лишь разницей, что постулируется динамичность дискурса, его пребывание в постоянном процессе обновления/становления. Однако это лишь одна сторона взаимодействия³ языка (а,

² В таких «раблезианских» случаях дискурс едва ли не поглощает (на уровне подразумевания) всю социальную реальность, становясь если и не первичным по отношению к ней, то определённо более значимым [см.8]

³ Именно «взаимодействия», а не просто «воздействия», как будет показано далее.

следовательно, и дискурса) и личностного сознания. Другая сторона была описана основоположниками собственно теории дискурса (М. Фуко, Ж. Лаканом и др.). Язык для них - это своеобразная идеологическая система, вызывающая к жизни материальные действия (если угодно, провоцирующая их) [11]. Личность, используя доступные средства самовыражения (дискурс) и частично подчиняясь им (не только предзаданным нормам, но и контексту), реализуется как сознательный субъект.

Признавая, что личность, как и общество, возможна прежде всего благодаря языковой практике, дискурсу, необходимо отметить, что дискурсов существует бесконечное множество. Одна и та же личность сталкивается с неограниченным количеством дискурсов, будучи "включённой" в постоянно изменяющееся дискурсивное пространство. Дискурсы неравны; среди них выделяются господствующие. Это, с одной стороны, дискурсы, "производимые" (или конструируемые) властвующими (или высокостатусными) группами. С другой стороны, это дискурсы, которые занимают положение общепринятых, первичных по значимости относительно всех остальных. Господствующий, властвующий дискурс является таковым не из-за каких-либо своих внутренних качеств и свойств, а исключительно в силу исторической обусловленности его господства. Ведь сама связь "означающее-означаемое", которая лежит в основе и языка, и дискурса, произвольна, исторически обусловлена и не абсолютна [11]. Этот факт не является очевидным для личности; именно вследствие этой неочевидности личность принимает господство дискурсов как должное.

Осознание исторической обусловленности, а, значит, преходящего характера господствующего положения того или иного дискурса даёт личности возможность деконструировать общепризнанные смыслы. Или, если использовать понятийный аппарат не Жака Деррида, а Антонио Грамши, вскрыть гегемонию одного из дискурсов и освободиться от этой гегемонии. Каким образом?

Во-первых, путём познания норм, правил, конституирующих дискурс и порождающий его язык. Выход за рамки как сознательный акт невозможен без познания природы и параметров этих рамок. Начав с осознания относительности господствующего положения дискурса и придя к познанию конституирующих его правил, личность получает возможность "взломать" навязанную знаково-символическую оболочку (образ) реальности. Поскольку сознание напрямую с реальностью не соприкасается, то "взлом" образа реальности для него равносильен "взлому" самой реальности. В данном случае "взлом" - это не только метафора выхода за рамки, преодоления правил, но и обозначение механизма взаимодействия личности с социальным миром. Применительно к взаимодействию "личность-дискурс" термин "взлом" обозначает сознательный выход из дискурсивного контекста и обретение относительной самостоятельности. Это становится возможным в том числе благодаря новообразованиям в языке⁴, делающим причинно-следственные связи нелинейными. Появляются альтернативы, действия личности перестают быть жёстко предопределёнными. Сочетание несочетаемого, пародия, игра, жонглирование смыслами лишают заданные критерии реальности священного статуса ("десакрализуют" их, в терминологии С. Ушакина [11]). Личность, "взломав" навязанный дискурс, способна найти другой, свой смысл "заданной" реальности (семья, работа, выборы президента и т.д.).

Уместно будет описать этот процесс в понятиях драматургической теории И. Гофмана. Активно используя, перемешивая дискурсы, личность противостоит давлению извне; она меняет "маски", компилирует их, - и, внезапно сбрасывая, утверждает свою индивидуальность [3]. Важный момент: подобный взлом дискурсивной реальности должен быть осознанным, он предполагает создание нового контекста именно на базе существующего. Творение нового дискурса возможно лишь сквозь существующую языковую практику, а не в обход её. Используя стратегию развоплощения (концепция "дискурсивного разрыва" С. Корнева [6]) и "взлома" реальности, личность относится к надеваемым маскам не как к пустышкам. Она принимает роли серьёзно, но не настолько глубоко, чтобы спровоцировать полное поглощение личности одной из ролей. Для того, чтобы взломать навязанный контекст, нужно осознать его. Именно поэтому нельзя считать новообразованиями ненамеренные ошибки в словах, предложениях, стиле и т. д. Они приводят не к освобождению личности, а к еще большему ее подчинению власти языка и дискурса⁵. Сложность заключается в первую очередь в том, что язык и дискурс выступают не только в качестве объекта "взлома", но (и это - в первую очередь) в качестве средства "взлома" навязываемого образа социальной реальности. В этом и проявляется двойственная природа их "отношений" с личностью: с одной стороны, язык и дискурс - это граница сознания и действий личности, граница её социального контекста, с другой - базис для саморазвития и освобождения личности.

⁴ Либо результатам комбинации старых элементов системы, либо ассимиляции элементов других систем

⁵ Так пьяный до полубессознательного состояния хулиган своей «активностью» не выражает никакого протеста против всевластия правоохранительных органов и не несёт никакой угрозы системе, несмотря на очевидный «взлом социально-нормативной реальности».

От чего зависят способности и склонности личности к использованию дискурсивного "взлома" реальности? Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Рискну предположить, что это определяется отнюдь не индивидуальными достоинствами, задатками или темпераментом, а особенностями социализации и спецификой культурного окружения, в рамках которого формируется мировоззрение личности. Впрочем, нельзя забывать и о факторах ситуативных или, если говорить масштабнее, конкретно-исторических. Однако, независимо от ответа на эти новые вопросы, очевидно, что использование "взлома" реальности может заметно повлиять на определение жизненных позиций личности и её ценностные и поведенческие предпочтения. Соответственно, для социолога эта тема – не просто умозрительно-экспериментальное поле применения понятия "дискурс", а возможность глубже изучить закономерности и механизмы взаимодействия личностного сознания и социальной реальности, от факторов поведенческой мотивации до формирования жизненных стратегий.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д. — М.: Наука, 2009 (репринтное воспроизведение издания 1958 г.). — 133 с; 2. Волошинов В.Н.: Марксизм и философия языка. - Ленинград: Прибой, 1930 . - Режим доступа: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/VOLOSHINOV-29/introd.html>; 3. Гофман И. — Представление себя другим в повседневной жизни. —М.: Канон-пресс, 2000. — 304 с; 4. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре массовой коммуникации. - М.: Наука, 1984. -272 с; 5. Качанов Ю., Маркова Ю.. Автономия и структуры социологического дискурса. - М.: Университетская книга, 2010. - 320 с.; 6. Корнев С. Имидж в эпоху спектакля. // "ИНАЧЕ", №4. — 2001, с.6-11. — Режим доступа: <http://kornev.chat.ru/image.htm#part2>; 7. Литовченко А. Д. Понятие дискурса в социологическом применении // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць. — Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2004. — С. 137-139; 8. Маркова Ю.В. Социальная реальность социологического дискурса. // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 42-47; 9. Отрешко Н.Б. Факторы, повлиявшие на становление классического социологического дискурса // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. — Випуск 15. — Х.: ХНУ ім. В.Н.Каразіна, 2009. — с.29-33; 10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. с французского. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.; 11. Ушакин С. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. - 1996. - №5. - С. 95-103.